

Арлекин

Category: Kitarcsu, Poesmalar
написано kitarcsu | 25 января, 2025
Арлекин АРЛЕКИН

Меня всю ночь промучил сплин...
Передо мной, к стене прибитый
И, видно, няней позабытый,
Висел бумажный арлекин.
Едва хочу я позабыться –
Вдруг арлекин зашевелится,
Начнет приплясывать, моргать
И точно хочет что сказать.

Я ободрил его. Он начал:
«У вас мне просто нет житья.
Здесь для детей забава я,
А то ли я в Европе значил?
Там все уж знают и твердят,
Что нынче век арлекинад.
Мы маскируемся, хлопочем,
Кутим, жуируем, морочим
И, свет волнуя и губя,
Тишком смеемся про себя.

Но ты меня не понимаешь...
Не мудрено! Ты знаешь свет
Из книг французских да газет;
И, верно, всё воображаешь,
Что арлекин – остряк и шут,
Философ жизни, умный плут,
Друг Бахуса и всякой снеди –
Есть вымысл площадных комедий
Так было прежде, в старину.
Тогда нас в строгости держали,
Тогда мы роль свою играли

Исправно... Даже не одну
Услугу людям оказали...
Скажу не обинуясь: мир
Вперед мы двигали чудесно,
Когда какой-нибудь безвестный
Нам роли сочинял Шекспир.
Таких Шекспиров было много
Во всех родах. Их здравый ум
Всем и всему судья был строгой.
Их смех был плод глубоких дум..
На площади за ширмой пестрой
Мы зло язвили шуткой острой,
И к нам еехала даже знать,
Чтоб каламбур у нас занять, –
Инкогнито!.. Мы беспристрастно
Тартюфов ставили на смех;
Критиковали даже тех,
Кого критиковать опасно:
Известный взяточник и вор
Боялся нас как привиденья;
В делах правленья самый двор
Нас принимал в соображенье.
А шарлатанов-докторов,
Сластолюбивых старичков
И легких модников аббатов,
Скупцов и плутов-адвокатов,
Старух – охотниц до интриг –
Держал в острастке наш язык.
Так в нашем смехе и злословье
Нашли орудье короли,
Чтоб сор мести с лица земли;
И нас любили все сословья:
В них силы наша болтовня
Возобновляла, как лекарство,
Тем в равновесии храня
Все элементы государства.
Пленясь критическим умом

И нашей речи бойкой солью,
Нас свет иной, важнейшей ролью
Решился наградить потом.
«Вы гнать умеете пороки, –
Сказал, – подайте же вы нам
Высокой мудрости уроки!
Как дети вверимся мы вам.
Всей государственной машине
Вы чудный сделали разбор, –
Так перестройте ж нас вы ныне,
Да новый мир пойдет с сих пор!»

В нас ум всегда был смел и скор.
Вмиг план готов, и ухватились
За труд с уверенностью мы.
Мы к той поре уж поучились
И наши бойкие умы
Уж в философию пустились;
Пьеро надел уже парик,
И точно – царь был в царстве книг!
И мы пошли ломать. Трещало
Всё, что построили века...
Грядущее издалека
Нам среди руин зарей сияло...
Но вдруг среди наших сладких снов,
Среди наших пламенных теорий –
Мы слышим черни ярый рев:
Как будто вдруг из берегов,
Бушуя, выступило море!..
Мы в ужасе глядим кругом,
И что ж? Как демоны в потемках,
Одни стоим мы на обломках:
Добро упало вместе с злом!
Все наши пышные идеи
Толпа буквально поняла
И уж кровавые трофеи,
Вопя, по улицам влекла...

Но это всё тебе известно;
Ты знаешь, как одни из нас,
Противу черни ополчась,
Погибли праведно и честно;
Но ты не знаешь одного –
Что многим голову вскружило
Господство, власть и торжество,
А с тем и деньги... Да, мой милой!
Кто раз уж сладко ел и пил,
Тот аппетит уж наострил!
Мы взять попробовали силой –
Да не смогли. «Ну так постой, –
Мы думали, – народ пустой!
Подобье вечное Сатурна!
Мы как-нибудь найдем лафу,
И так подденем на фу-фу!
Половим рыбки: море бурно!..
Мир сам пойдет своим путем,
А мы с него свое возьмем –
И вот как: решено, что дурно
Всё старое, как сгнивший плод,
Ну, так возьмем наоборот,
Перевернем всё наизнанку,
Взболтаем целый мир, как склянку:
Чему на дне быть – упадет,
Чему вверху – наверх всплывет!..
То, что считалось безобразным,
Мы совершенством назовем;
Что искони казалось грязным,
Мы в том высокое найдем...»
Но, впрочем, эти штуки мелки,
И занимают лишь детей
Литературные проделки.
Тут были вещи покрупней.
Притом у нас литература
Была неважная фигура:
Один слезами тешил дур,

Другой ругался чересчур,
Так что открылась штука эта,
И мир смекнул, стряхнувши сплин,
Что в маске чахлого поэта
Румяный крылся арлекин.

Нет, вот где более отваги!
Смотри-ка, дерзость какова!
Мы появились как маги,
Вещали чудные слова;
Со всем величием пророка
Провозглашали: «Нет порока!
Для плоти наступил свой век!
Стыд, совесть – робких душ тревога!
В страстях познайте голос бога,
И этот бог – есть человек!..»
Благоуханными словами
Навербовали мы толпами
Жрецов, а особливо жриц
Из жен, скучающих мужьями,
И неутешенных вдовиц.
В своем бессовестном ученье
Открыв всем мерзостям прощенье,
Пустили по свету гулять
Мы Мессалин и Дон-Жуанов,
И куча мелких партизанов
Пошли их роль перенимать.
Они взялись за дело прочно
И, пред испуганной толпой,
Плевали с наглостью тупой
В лицо весталки непорочной,
Им недоступной, им чужой!
Прикрывши грацией бесстыдство,
Они всем блеском сибаритства
Ловили в сети и детей,
Их развращая в цвете дней...
Тут было чистое злодейство,

Но наши новые жрецы
Втирались в мирные семейства
И утучнялись, как тельцы...

Но всё же этим аферистам
Не так проделка удалась,
Как арлекинам-журналистам.
В них оценить ты можешь нас.
Вот знают, где и как ударить!
Вот мастера-то, черт возьми,
Насчет умов в карманах шарить
И слыть честнейшими людьми!
Сбирая дани с муз и граций
Натурой, деньгой, тем и тем,
Они для верных спекуляций
Каких не строили систем!
Уж в чем других не уверяли,
Не веря ровно ничему!
Казалось всем, они лишь знали,
Что не известно никому,
Род человеческий так падок
Ведь на таинственность: они,
Как сфинксы, полные загадок,
Являлись черни в оны дни!
От них услышать голос божий
К ним собиралися толпы
Великодушной молодежи,
Чуть не целуя их стопы.
И сфинкс, в них разжигая страсти,
Себе прокладывал в тиши
На их плечах дорогу к власти
И с благородства их души
Сбирал тихонько барыши.
Так шарлатанством и коварством
Опять вступили мы в почет,
Опять правленье государством
Вручил нам ветреный народ,

И – мы попали в депутаты...
О, если б видел ты палаты!
Вот маскарад-то! Шум и гам!
Куда ни взглянешь – тут и там
Всё арлекин на арлекине
В патриотической личине!..
Ну, тут пошел такой кутеж,
Что уж теперь не разберешь!
Во имя братства и свободы
Мы взбаламутили народы,
Им обещая дать устав,
Как жать, не сеяв, не пахав.
Хоть, правда, два-три человека
Наладить думали ход века, –
Да где им? Главная-то часть
Была у нас – казна и власть,
В руках – голодной черни стая,
Толпа фанатиков слепая
Да беглецы со всей земли.
Так мы в республику сыграли,
Потом империю создали,
В парламент английский вошли...
И, два враждебные народа
Сдружив для Крымского похода,
На помощь туркам повели...
Всё б это ничего, конечно,
Когда бы в то, что мы творим,
О чем мы пишем и кричим,
Мы верили чистосердечно, –
Нет, веры нет в нас на алтын!
Ведь смех: почтенный господин
Громит с трибуны – плещут массы,
А подо все его возгласы
В душе витии арлекин
Толпе коверкает гримасы!

Я сам... Да что и поминать!

Увы! Nessun maggior dolore,¹
Как вспоминать про счастье в горе!
Нас стали там уж понимать.
Народ – не тот, что пьет и пляшет,
А тот, который жнет и пашет, –
Стал дело, кажется, смекать;
А этих пахарей печальных,
Отцов семейств патриархальных,
Возросших среди лесов и гор,
Мы очень трусим с давних пор...
К тому ж еще удар жестокой:
Оскорблена в душе высокой,
Уж видит наша молодежь,
Что силы, ум ее, здоровье
Погибли, защищая ложь,
В великолепном пустословье,
И многие в душе своей
Дают обет – от критиканства,
От пустоты и шарлатанства
Предохранить своих детей...

Я думал, уж не дать ли тягу
Да здесь, в России, покутить...
Но как наказан за отвагу!
Не знаю, как и пережить!
Ведь вы одни для нас и грозны.
Вы слишком вообще серьезны.
Я здесь без весу, без гроша.
Иначе тешится Россия!
У ней и в смехе есть душа,
И в шутках – думы вековые!
У вас есть вера в вашу Русь –
А ведь и камни движет вера!
Нет, я ошибся. Признаюсь,
Уж вот урок-то! Вот карьера!
Мальчишка дергает шнурок,
А я и прыгай что есть ног,

Пока не пустит он шнурочка!..
Послушай, сжался надо мной!
Пусти меня! Сними с гвоздочка!
Мне, право, надобно домой!
Идет к концу арлекинада –
Так приготовиться мне надо
Собой украсить мавзолей
Великих тамошних людей».

1854 г.

1 Нет большей боли (итал.). Poemalar